Научная статья /
Research Article

https://elibrary.ru/ISMXZO
УДК 821.133.1.0
ББК 83.3(4Фра)53

«СЛОЖНЫЙ КЛУБОК ПРИЧИН И СЛЕДСТВИЙ»: ПОЗИТИВИЗМ И ИРРАЦИОНАЛИЗМ В ДВУХ РАССКАЗАХ АНАТОЛЯ ФРАНСА

© 2023 г. Н.А. Никитина, Н.А. Тулякова
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия

Дата поступления статьи: 21 июня 2023 г.
Дата одобрения рецензентами: 08 сентября 2023 г.
Дата публикации: 25 декабря 2023 г.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-4-108-127

Аннотация: Статья посвящена сопоставительному анализу двух близких по времени написания и проблематике рассказов Анатоля Франса — «Записки сельского врача» и «Красное яйцо». Цель исследования — прояснить позицию писателя в текстах, где голос передается рассказчику, а истина ускользает от читателя из-за многочисленных умолчаний, и понять причину, по которой Франс обращается к затемненному письму. Рассказы, вошедшие в разные сборники, имеют ряд общих черт как на тематическом и образно-мотивном, так и на композиционно-повествовательном уровне. И в «Красном яйце», и «Записках сельского врача» поднимается тема наследственности, что позволяет исследователям видеть в них следы влияния натурализма на художественный метод Франса. Тем не менее построение текстов каждый раз ставит под сомнение отношение как рассказчика, так и автора к натуралистской концепции личности, эстетике натурализма и позитивистской философии в целом, вводит возможность альтернативной трактовки событий и образов героев. Сопоставление двух произведений позволяет сделать вывод о двойственном, ироническом взгляде Франса на популярные среди современников идеи и о предпочтении, отдаваемом писателем художественному и культурному тексту по сравнению с позитивистским аналитизмом.

Ключевые слова: Анатоль Франс, натурализм, рассказ, повествовательная инстанция, наследственность в литературе, позитивизм.

Информация об авторах: Наталья Александровна Никитина — кандидат филологических наук, старший преподаватель департамента иностранных языков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Союза Печатников, д. 16, 190121 г. Санкт-Петербург, Россия. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-0356-2159

E-mail: gromovanat@list.ru

Наталья Александровна Тулякова — кандидат филологических наук, доцент департамента иностранных языков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Союза Печатников, д. 16, 190121 г. Санкт-Петербург, Россия. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-0685-4993

E-mail: natuliakova@gmail.com

Для цитирования: *Никитина Н.А., Тулякова Н.А.* «Сложный клубок причин и следствий»: позитивизм и иррационализм в двух рассказах Анатоля Франса // Studia Litterarum. 2023. Т. 8, № 4. С. 108–127. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-4-108-127



Studia Litterarum,
vol. 8, no. 4, 2023

"L'ÉCHEVEAU DES CAUSES ET DES EFFETS": POSITIVISM AND IRRATIONALISM IN ANATOLE FRANCE'S SHORT STORIES

© 2023. Natalia A. Nikitina, Natalia A. Tuliakova
National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia
Received: June 21, 2023
Approved after reviewing: September 08, 2023
Date of publication: December 25, 2023

Abstract: The article presents a comparative analysis of two stories written by Anatole France close in time and dealing with similar issues, namely "Le Manuscrit d'un médecin de village" and "L'Œuf rouge." The purpose of the study is to clarify the narrator's position in the texts where the voice is delegated to a character, and the truth eludes the reader due to numerous omissions and thus to understand the reason why France deploys obscured writing. The stories, although included in different cycles, share a number images, motifs and narrative strategies. Both short stories address the topic of heredity, which makes researchers observe in them the influence of naturalism on France's artistic method. Nevertheless, the construction of the texts each time calls into question the attitude of both the narrator and the author to the naturalistic concept of personality, the aesthetics of naturalism and positivist philosophy in general, introduces the possibility of an alternative interpretation of events and images. A comparison of the two pieces enables us to conclude that France has an ambiguous, ironic view of ideas popular among his contemporaries and that the writer prefers an artistic and cultural text over positivist analyticity.

Keywords: Anatole France, naturalism, short story, narrator, heredity in literature, positivism.

Information about the authors: Natalia A. Nikitina, PhD in Philology, Senior Lecturer at the Department of Foreign Languages, National Research University Higher School of Economics, Soiuza Pechatnikov St., 16, 190121 St. Petersburg, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-0356-2159

E-mail: gromovanat@list.ru

Natalia A. Tuliakova, PhD in Philology, Associate Professor at the Department of Foreign Languages, National Research University Higher School of Economics, Soiuza Pechatnikov St., 16, 190121 St. Petersburg, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-0685-4993

E-mail: natuliakova@gmail.com

For citation: Nikitina, N.A., Tuliakova, N.A. "'L'Écheveau des Causes et des Effets': Positivism and Irrationalism in Anatole France's Short Stories." *Studia Litterarum*, vol. 8, no. 4, 2023, pp. 108–127. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-4-108-127

Творчество Анатоля Франса часто предлагает читателям и исследователям загадки, представленные в форме открытых финалов, игры с повествовательными инстанциями, жанровыми формами [12, p. 114–115]. Писатель мастерски ведет диалог с читателем, заставляя его по-новому взглянуть на знакомый сюжет или усомниться в привычных установках. Хотя произведения Франса затрагивают самые популярные, порой злободневные темы и кажутся на первый взгляд типичными для своего времени, интерпретация этих тем в каждом конкретном тексте и в творческой системе Франса в целом лишает их однозначного толкования.

Одной из таких тем является наследственность, занимающая центральное место в рассказах «Красное яйцо» и «Записки сельского врача», которые были созданы практически в одно время, с разницей всего в год. «Записки сельского врача» (“Le Manuscrit d’un médecin de village”) появились в журнале “Les Lettres et les Arts” 1 марта 1886 г. [11, p. 1428]. Рассказ «Красное яйцо» (“L’Œuf rouge”) был впервые опубликован с подзаголовком «Пасхальный рассказ» (“Conte pour le jour de Pâques”) в “Temps” 10 апреля 1887 г. [11, p. 1311].

Представляется вполне естественным, что Франс не мог остаться в стороне от разработки популярного вопроса о наследственности в то время, когда тот активно обсуждался в научных и артистических кругах. Однако маловероятно, чтобы писатель решал ее «так же, как это делалось в романах Гонкуров и в ранних произведениях Золя» [2, с. 326]. Видимое сходство сюжетов и мотивов может скорее насторожить исследователя и вызвать вопрос, не является ли оно ироническим переосмыслением натуралистического метода и не служит ли знаком «сомнения в “универсальности”

его [Золя] схемы, согласно которой наследственность неумолимо определяет характер, поведение и даже профессию человека» [6, с. 58].

Два анализируемых рассказа находятся на периферии исследовательского интереса и признаются второстепенными [22, p. 65; 21, p. 354]. Тем не менее работа Франса над этой темой и публикация рассказов в различных версиях[1] показывают, что сам писатель не воспринимал рассказы как «проходные». Циклы, куда включены рассказы, отличаются тщательной продуманностью композиции и расположения материала, так что мнение о случайном характере текстов недостаточно обоснованно. Пристальный их анализ демонстрирует любопытную игру с точками зрения и повествовательными инстанциями, еще более очевидную при сопоставлении рассказов.

В обоих рассказах ставится вопрос о роли и границах наследственности в формировании личности человека, однако ответ на него остается до конца не ясным. Необходимо учитывать, что именно на время первой публикации рассказов приходится пик полемики Франса с Золя и его знаменитая рецензия на роман «Земля». Однако к тому моменту, как рассказы были опубликованы в составе циклов «Валтасар» и «Перламутровый ларец», отношение Франса к Золя изменилось [17, p. 19]. Это диктует двойственность оценки его фигуры, отраженную, например, С.И. Лиходзиевским, который видит в «Красном яйце» следование Золя [6, с. 52], а в «Записках сельского врача» — полемику с ним [6, с. 58]. Отчасти эта непоследовательность восприятия связана с повествовательными особенностями текстов, допускающими множественность трактовок. Сопоставительный анализ двух рассказов представляется одним из средств прояснения механизмов, при помощи которых достигается двойственность авторской позиции.

Рассказы явно носят следы увлечения едиными мотивами и образами. Рассказчики осмысляют, какие силы управляют жизнью двух одаренных мальчиков, чьи способности входят в противоречие с законами наследственности: родители необычайно талантливого Элуа Блена из «Записок

1 Так, «Записки сельского врача» имеют три варианта. Второй раз рассказ был опубликован под названием “Éloi” в “La Revue indépendante” в июле 1887 г.; была опущена первая часть (предисловие издателя и рассуждения о жалости). В 1892 г. рассказ вошел в цикл «Перламутровый ларец» (“L’Étui de nacre”). В этой версии рассказ не был купирован, за исключением второй части рамы (слова «Сверено с оригиналом» были исключены). «Красное яйцо» после журнальной публикации вошло в цикл «Валтасар» (“Balthasar”, 1889) без подзаголовка «Пасхальный рассказ».

сельского врача» — малообразованные крестьяне, а родители математического гения Александра Леманселя из «Красного яйца» обнаруживают явные нарушения в интеллектуальном развитии.

Образы главных героев демонстрируют ряд общих черт, помимо одаренности. Они оба изображаются в детском возрасте, однако наделяются чертами взрослых: «Он [Александр] казался моложе и вместе с тем старше своих лет. <…> …Порой, если приглядеться к нему как следует, он казался почти старичком. Сухая, словно присохшая к вискам кожа худосочного человека и жиденькие волосы; лоснящийся, как у пожилых людей, лоб»[2] [23, т. 2, с. 60]. Вспоминая Элуа, сельский врач отмечает «волевой и могучий лоб, лоб мужа, и локоны херувима <…> огонь в глазах <…> страдальческую складку у рта»[3] [23, т. 2, с. 737]. В этом описании отражен агиографический флер, так как оба ребенка обречены на гибель: «Он [Александр] был очень подвижен и выражал то детскую радость, то тайное страдание»[4] [23, т. 2, с. 60]. Это сходство в создании персонажей может объясняться как общими принципами изображения гениальных детей в литературе XIX в. [17; 18; 19; 20], так и индивидуально-авторской трактовкой образа.

В рассказах Франса также присутствует некий вещный предмет, который метафорически представляет загадку личности необычного ребенка и фигурирует в кульминации. В «Записках сельского врача» детский портрет Ампера, поразительно похожий на Элуа, объясняет доктору инженерные задатки погибшего мальчика. В «Красном яйце» это заглавный образ, пурпурное яйцо, символизирующее «избранность» Александра и связывающее его с выдающейся личностью, римским императором Александром Севером. Таким образом, в обоих рассказах личность одаренного ребенка оказывается в каком-то роде «расщепленной», в ней проступают черты великих людей прошлого.

Повествовательные системы двух произведений имеют ряд общих черт. В обоих повествование ведется от лица врача, наблюдавшего уди-

2 Il paraissait à la fois plus jeune et plus vieux qu'il n'était en réalité. <…> …Par moments, à le voir de près, il avait l'air presque vieux. Sa peau aride, collée sur les tempes, nourrissait mal ses maigres cheveux. Son front était poli comme le front des hommes mûrs [25, p. 639].

3 <…> front, volontaire et puissant, un front d'homme sous des boucles de chérubin; <…> feu dans les yeux; <…> grâce souffrante sur les lèvres! [25, p. 954].

4 Ses lèvres mobiles exprimaient tour à tour une joie enfantine et de mystérieuses souffrances [25, p. 639].

вительный случай; в «Записках сельского врача» это дневниковая запись, в «Красном яйце» — устный нарратив. Выбор подобного рассказчика помещает повествование в естественнонаучный дискурс и позволяет, во-первых, ввести профессиональный взгляд на проблемы наследственности, а во-вторых, проверить на прочность систему взглядов медика, столкнув ее с моделированной действительностью[5].

Оба франсовских рассказа отличает установка на документальность, достоверность. В «Записках сельского врача» эффект правдоподобия достигается посредством введения «предсуждения» издателя о дневнике, сокрытия имени врача, противопоставления опыта автора дневника художественной литературе, т. е. правды — вымыслу. В «Красном яйце» сообщение доктора N. адресовано слушателю, который называется автором повести «Иокаста» и потому должен представляться читателю самим Франсом. Оба доктора сообщают о событиях, развязка которых наступила за год до самого повествования.

Очевидны текстовые переклички между рассказами. Так, «Красное яйцо» начинается следующим образом: «Доктор N. поставил чашку на камин, бросил сигару в огонь и сказал...»[6] [23, т. 2, с. 59]. Эта фраза соотносится с предложением из финала «Записок сельского врача»: «Подойдя к камину, чтобы поставить пустую чашку, я заметил висевший на раме зеркала небольшой портрет...»[7] [23, т. 2, с. 737].

Ключевое место в обоих рассказах занимает проверка жизнеспособности современных естественнонаучных представлений о наследственности. В рассказах наследственность сталкивается с иррациональной, непостижимой стихией: с трагической случайностью в «Красном яйце» и с мистикой в «Записках сельского врача». Финал обоих рассказов неоднозначен и требует комментария, проясняющего отношения между позитивизмом и иррационализмом и — шире — логикой и творчеством.

5 Необходимо отметить, что при решении этой темы Франс, очевидно, испытал влияние тургеневских «Отцов и детей». Два писателя были заочно знакомы, переписывались, и в творчестве Франса аллюзии к И.С. Тургеневу — не редкость. Например, повесть «Иокаста», которая цитируется в «Красном яйце», обнаруживает отсылки к роману Тургенева [3; 5, с. 10–11].

6 Le docteur N*** posa sa tasse de café sur la cheminée, jeta son cigare dans le feu et me dit... [25, p. 638].

7 Comme je m'approchais de la cheminée pour y poser ma tasse vide, j'aperçus, suspendu au cadre de la glace, un portrait... [25, p. 954].

Подобный конфликт не случаен. Во второй половине XIX в. в европейской культуре наблюдаются противоположные тенденции — всплеск увлечения позитивизмом, с одной стороны, и мистицизмом, с другой [11, p 1282]. Интерес Франса к позитивизму воплощен наиболее ярко в двух фигурах, живо интересовавших Франса, — Ипполита Тэна и Эрнеста Ренана [1, с. 13–15]. «Тэн <…> стал для него учителем нового универсального суждения, а Ренан оставался верным проводником через запутанные интеллектуальные течения» [9, с. 55]. Это не мешало Франсу проявлять интерес к мистицизму наряду с другими антипозитивистскими течениями. В целом не разделяя их, Франс защищал фантазию, которая лежала в основе как, например, фольклора, так и спиритуалистических опытов Уильяма Крукса, допускавшего, несмотря на свои выдающиеся научные достижения, вероятность нематериалистического объяснения физических явлений[8]. Рассказы Франса демонстрируют конфликт и конвергенцию двух мировоззренческих парадигм — научной и мистической, при этом рассказчик придерживается одной из них, но позиция автора не столь легко поддается истолкованию.

Сама дневниковая форма «Записок сельского врача» оставляет определенные сомнения относительно своей достоверности. По форме рассказ не похож на дневник, поскольку не датирован, повествование сконцентрировано только на одном эпизоде, лишено дискретности, свойственной и подлинному дневнику, и его имитации в литературе [8, с. 19]. Читатель не в состоянии сделать вывод о целях и степени возможного вмешательства «издателя» в исходный текст. Литературный дневник, который уже сам по себе является псевдодневником [13, p. 266], в данном случае сконструирован нарочито неумело. Квазидневниковый характер записок также оставляет открытым вопрос об адресате повествования: доктор, по словам издателя, не имел намерения публиковать дневник, однако повествование явно не обращено к самому себе, так как содержит описание того, что рассказчику должно быть давно известно.

Предисловие к рукописи также обнаруживает следы предвзятости издателя. Предсуждение о дневнике вводит публикуемый фрагмент в контекст литературной критики эпохи, и издатель делает важное замечание, которое может служить ключом к пониманию рассказа: «Я не отважусь не только

8 Франс обращается к фигуре Крукса в статье «Гипнотизм в литературе» (“L’Hypnotisme dans la literature”, 1887) и в рассказе «Лесли Вуд» (“Leslie Wood”, 1890).

обнародовать его [доктора] записки полностью, но даже привести из них обширные выдержки, хотя многие в наше время вслед за господином Тэном полагают, будто надлежит печатать именно то, что не предназначалось для печати. Что ни говорите, но, чтобы рассказывать любопытные вещи, недостаточно не быть писателем»[9] [23, т. 2, с. 730]. Имеется в виду известный труд Тэна «История английской литературы» (“Histoire de la littérature anglaise”, 1863), в котором Тэн обсуждает роль литературы как источника исторических сведений. Из слов издателя складывается впечатление, что Тэн ратует за публикацию документов, а не литературных произведений. Однако это является искажением его слов, и переписка Тэна, например, была опубликована со значительными купюрами согласно его желанию. Так создается образ либо плохо информированного, либо манипулирующего издателя.

Недоговоренности присутствуют и в тексте «Красного яйца». Неизвестно, например, действительно ли Александр страдает лунатизмом: «Уверяли, что он разговаривает по ночам и даже бродит во сне. Однако собственными глазами никто этого не видел: все мы были в том возрасте, когда сон особенно крепок»[10] [23, т. 2, с. 61]. История пурпурно-красного яйца, якобы снесенного курицей в день рождения Александра, становится двусмысленной из-за намека бабушки: «Куры-то часто сидят не на своих яйцах, особенно если сосед-проказник подсунет в гнездо…»[11] [23, т. 2, с. 65]. Эти недоговоренности могут быть обусловлены ограниченным знанием рассказчика. Несмотря на то что доктор называет Александра своим другом, они долго не общаются лично, а слухи о нервном расстройстве последнего противоречат впечатлению повествователя, составленному им (уже взрослым специалистом) по письмам Александра.

Еще один эпизод, ставящий под сомнение компетентность повествователя, — рассказ о Тифании Ракнель, чей дом мальчики видят во время

9 Je n’oserais point publier le manuscrit intégralement, ni même en donner des fragments de quelque étendue, bien que beaucoup de personnes pensent aujourd’hui, avec M. Taine, qu’il convient surtout d’imprimer ce qui n’a pas été fait pour l’impression. Pour dire des choses intéressantes, il ne suffit pas, quoi qu’on dise, de n’être pas un écrivain [25, p. 947].

10 On disait qu’il parlait, la nuit, dans le dortoir, et que même il sortait tout endormi de son lit. C’est ce qu’aucun de nous n’avait guère observé de ses propres yeux, car nous étions à l’âge des profonds sommeils [25, p. 640].

11 …Les poules couvent quelquefois ce qu’elles n’ont point pondu, et si quelque malin voisin glisse dans leur nitée un [25, p. 641].

посещения аббатства Сен-Мишель. Имя Тифании, которая, по уверениям Александра, «не умерла», приводится рассказчиком мимоходом, с уверениями в его незначительности: «Да и вообще я привел этот эпизод лишь для того, чтобы показать, как завязалась наша дружба»[12] [23, т. 2, с. 62]. Самого же Франса фигура Тифании интересовала; она стала известна ему, скорее всего, благодаря изданной в 1839 г. поэме XIV в. «Бертран Дюгеклен» трувера Иоханнеса Кувелира (Johannes Cuvelier), которому писатель посвятил главу в сборнике «Антология французских поэтов»[13]. История эта также упоминается Франсом в «Жизнеописании Жанны д'Арк» ("Vie de Jeanne d'Arc", 1908). Интересно, что рассказчик в «Красном яйце» делает ошибку, утверждая, что Тифания была старушкой и вдовой коннетабля Бертрана Дюгеклена: в действительности она умерла в возрасте сорока лет, раньше своего мужа. К тому же рассказчик игнорирует важные факты из жизни Тифании, которые могли бы объяснить столь пристальное внимание к ней Александра: она считалась феей, так как занималась астрологией и умела, по свидетельствам современников, предсказывать будущее [26, p. 28]. Возникает вопрос об источнике этого незнания: сознательно ли Франс заставляет рассказчика ошибаться, свидетельствует ли оно о неосведомленности доктора или же повествователя.

Таким образом, в обоих рассказах у читателя должны возникнуть сомнения в надежности рассказчика, которые он не может ни подтвердить, ни опровергнуть. Недостоверность рассказа в «Записках сельского врача» обусловлена фрагментарностью повествования; в «Красном яйце» она выглядит как следствие предвзятости доктора. Эта ситуация неизбежно проецируется и на мировоззренческие высказывания рассказчиков, придавая им неопределенность и внутреннюю противоречивость.

Автор рукописи в «Записках сельского врача» подвергает сомнению позитивистские взгляды своего времени, наблюдая окружающую его действительность. Несмотря на врачебную практику, доктор не разделяет увлечения позитивизмом. Рассказчик — человек науки, но в то же время и практик, приближенный к природе, что проявлено не только в удаленности

12 D'ailleurs je n'ai rappelé cet épisode que pour vous montrer comment notre amitié était née [25, p. 641].

13 Anthologie des poètes français depuis les origines jusqu'à la fin du XVIIIe siècle: précédée d'une étude sur la poésie française, Volume 2 (1905).

места его проживания и практики от больших городов, но и в его увлечении садоводством. Его хобби — выращивание плодовых деревьев — резонирует с общим ходом его размышлений о генетике, наследственности и ее «причудах».

Позитивизм здесь парадоксальным образом ассоциируется с художественной литературой и представлен творчеством Золя, над которым доктор иронизирует: «Мой сосед нотариус дал мне в прошлом году почитать книгу г-на Эмиля Золя, и я убедился, что этот писатель льстит себя надеждой, будто в этом вопросе он разбирается лучше всех. Мысль его сводится к следующему: вот предок, страдающий неврозом; среди его потомков непременно будут невропаты, а может быть, уже и есть; будут сумасшедшие, будут и здравомыслящие; один из них, возможно, будет гениален. Для большей наглядности автор даже составил генеалогическую таблицу. Ну, что ж! Открытие это не блещет новизной, особенно гордиться тут нечем...»[14] [23, т. 2, с. 734].

Сельский врач иллюстрирует свои взгляды, обращаясь к фигуре одаренного мальчика Элуа, и приходит к выводу: «Наследственность знает подобные сюрпризы, так что можно с полным основанием утверждать: люди не ведают, что творят, когда зачинают ребенка»[15] [23, т. 2, с. 734]. Рожденный от обычных крестьян, Элуа проявляет исключительные инженерные способности. Доктор не может объяснить себе этого явления, которое достигает апогея во время болезненного бреда мальчика, которому представляется, что он управляет аэростатом: «Шар! Воздушный шар! Я сжимаю в руках его руль. Шар поднимается. В небе черным-черно. Мама, мама, почему ты не со мной? Мой шар летит туда, где будет так чудесно!»[16] [23, т. 2, с. 736–737].

Спустя год после смерти Элуа от менингита доктор обнаруживает его поразительное внешнее сходство с Андре-Мари Ампером. На этом дневни-

14 Mon voisin le notaire m’a prêté l’an passé un volume de M. Émile Zola; et je vis que cet auteur se flatte d’avoir sur ce sujet des lumières spéciales. Voici, dit-il, en substance, un ascendant affecté d’une névrose; ses descendants seront névropathiques, à moins qu’ils ne le soient pas; il y en aura de fous et il y en aura de sensés; un d’eux aura peut-être du génie. Il a même dressé un tableau généalogique pour rendre cette idée plus sensible. À la bonne heure! La découverte n’est pas bien neuve et celui qui l’a faite aurait tort, sans doute, d’en être fier... [25, p. 951].

15 L’hérédité a de ces surprises et il est bien vrai de dire qu’on ne sait pas ce qu’on fait quand on fait un enfant [25, p. 951].

16 — Le ballon! le ballon! Je tiens le gouvernail du ballon. Il monte. Le ciel est noir. Maman, maman, pourquoi ne viens-tu pas avec moi? Je conduis mon ballon où ce sera si beau! [25, p. 953].

ковая запись обрывается, и доктор не дает своего объяснения этого сходства, читатель вынужден сам его интерпретировать. В контексте прежних рассуждений о наследственности физическое сходство между Ампером и Элуа Бленом, а также инженерный талант последнего, вероятно, свидетельствуют о возможности родственных связей между ними и таким образом подтверждают изначальное научное знание доктора. Однако это сходство может иметь мистическую природу, быть обусловлено метемпсихозом и таким образом опровергать теоретические взгляды повествователя. Таким образом, предметом размышлений врача становится не только ребенок, но и позитивизм в соотношении с мистикой и случайностью.

Случай с Элуа оказывается значимым для повествователя не только интеллектуально, но и эмоционально. Дневниковая запись начинается с рассуждения о жалости и о недопустимости этого чувства в работе врача, и рассказчик со свойственной ему рационалистичностью находит для своей отстраненности разумное объяснение: возможность облегчить страдания больного уменьшают жалость к нему, кроме того, его пациенты, простые деревенские люди, не особенно располагают к жалости: «Все они похожи друг на друга и со смертью любого из них из жизни не исчезнет ничего своеобразного»[17] [23, т. 2, с. 733]. Увидев больным Элуа, доктор неожиданно для себя испытывает острое чувство жалости и стремится найти ему такое же рационалистическое объяснение.

Повествование разворачивается таким образом, что рассуждения о жалости постепенно забываются, а на первый план выходит загадка личности Элуа: природа его одаренности, а также фантастичность его предсмертных видений. Однако к концу рассказа мы узнаем, что врач по-прежнему эмоционально переживает его утрату: «И ребенок этот так разительно напоминал Элуа, которого мне не удалось спасти и о ком, вот уже целый год, я ежедневно вспоминал, что я невольно подумал, не его ли это портрет»[18] [23, т. 2, с. 737–38]. В этом контексте обнаруженное сходство Элуа и Ампера, кажется, не только разрешает для рассказчика (но не для читателя) загадку одаренности ребенка, но и помогает ему примириться с собствен-

17 …ils se ressemblent tous et que rien de particulier ne disparaît avec chacun d'eux [25, p. 949].

18 Cet enfant ressemblait d'une manière si frappante à celui que je n'avais pu sauver et auquel je pensais tous les jours, depuis un an, que je ne pus m'empêcher de croire, un moment, que c'était lui-même [25, p. 954].

ной эмоциональной реакцией: Элуа, в отличие от других пациентов врача, представлял собой уникальную личность, его смерть, возможно, лишила человечество гениальных изобретений, а стало быть, жалость к нему героя, противоречащая его жизненным принципам, объяснима.

Однако, как обычно у Франса, рассказ предоставляет возможность и другого толкования: смерть ребенка является трагедией вне зависимости от степени его одаренности. Не случайно, когда врач впервые в жизни испытывает жалость к своему пациенту, изображение последнего лишено и намека на его исключительность, имеет значение только его юный возраст: «Хотя мне казалось, что я сохраняю все свое хладнокровие, больной внезапно представился мне, точно сквозь пелену, и таким далеким, таким крошечным!»[19] [23, т. 2, с. 736]. Наконец, потрясение доктора и постоянное мысленное возвращение к образу маленького Элуа могли вызывать аберрацию памяти: сходство между крестьянским ребенком и Ампером может быть мнимым [14, p. 393]. Принципиально то, что однозначный ответ невыводим из текста рассказа рассудочным образом.

Таким образом, «Записки сельского врача» можно прочитать и как попытку человека при помощи разума объяснить свои чувства, которые оказываются глубже и таинственней его принципов и убеждений. Этот конфликт человеческого разума и огромного мироздания весьма типичен для всего цикла «Перламутровый ларец».

В «Красном яйце» доктор-рассказчик уверен, что его история иллюстрирует как законы наследственности, так и материалистическую природу душевной жизни человека: «Признаю нисколько не противоречащим разуму и не раз подтвержденным жизнью то, что человек, в котором убита воля, легко поддается малейшему внушению извне»[20] [23, т. 2, с. 60]. Врач, казалось бы, не замечает того, что наука не всегда определяет ход вещей: несмотря на его собственные прогнозы, Александр Лемансель живет довольно долго и становится выдающимся математиком. Рассказчик игнорирует также противоречие в собственных утверждениях, поскольку Александр предстает, даже в детские годы, как исключительно волевая натура. Как и

19 Bien que j'eusse tout mon sang-froid, je vis le malade comme à travers un voile et si loin de moi qu'il m'apparaissait tout petit, tout petit [25, p. 952].

20 Mais qu'un être chez qui la volonté est morte obéisse à toutes les excitations extérieures, c'est une vérité que la raison admet et que démontre l'expérience [25, p. 639].

в «Записках сельского врача», читатель не получает достаточных сигналов от автора касательно надежности рассказчика.

Александр отличается от Элуа тем, что успевает повзрослеть и в некоторой степени реализовать свой интеллектуальный потенциал. Его трагедия заключается не столько в преждевременной смерти, сколько в распаде личности, вызывающем манию величия и преследования, ведущем к убийству и полной деградации в стенах психиатрической больницы: «Он в течение полумесяца буйствовал, а затем впал в идиотизм, сопровождавшийся страшной прожорливостью: он поедал даже воск для натирки полов. Три месяца тому назад он задохся, подавившись губкой»[21] [23, т. 2, с. 67–68]. При этом, если смерть Элуа вызвана трагическим стечением обстоятельств (инфекционным заболеванием), то участь Александра, с точки зрения рассказчика, обусловлена наследственностью: его мать страдает от жестоких приступов мигрени, а отец проявляет признаки слабоумия. Манифестация болезни, произошедшая в доме врача после прочтения героем «Жизнеописания императора Августа», могла бы произойти в другое время, но в целом представляется неизбежной. Подобная интерпретация кажется еще более вероятной во второй публикации рассказа в цикле «Валтасар» (1889), где он сопровождается посвящением Самюэлю Поцци, известному врачу, который специализировался, среди прочего, в неврологии, а также переводил на французский язык труды Чарльза Дарвина.

Вместе с тем отношение рассказчика к своему герою в данном случае представляется гораздо более равнодушным, чем в «Записках сельского врача»: будучи его ровесником, в детстве, по его собственным словам, он не обладал еще ни знаниями о психологии, ни интересом к ней в достаточной степени, чтобы постигнуть характер своего странного приятеля. Повзрослев, друзья перестают видеться, и доктор обнаруживает удивительное отсутствие интереса, как личного, так и профессионального, к Александру. Это равнодушие особенно очевидно в кульминации, когда рассказчик сначала оставляет друга одного, несмотря на очевидные для него симптомы, а потом позволяет ему уйти в состоянии помрачения рассудка: «Он ушел. Напрасно я старался удержать его. Он вырвался и убежал. Остальное вам

21 Puis il tomba dans une imbécillité complète, pendant laquelle sa gloutonnerie était telle qu'il dévorait jusqu'à la cire à frotter le parquet. Il s'est étouffé il y a trois mois en avalant une éponge [25, p. 646].

известно»[22] [23, т. 2, с. 67]. Примечательно, что этот врач не говорит о своем чувстве вины или профессионального бессилия, столь подробно описанном в «Записках сельского врача». В целом образ сельского врача в большей степени вызывает симпатию читателя, отчасти вследствие его сомнений, а врач в «Красном яйце» предстает как безусловно уверенный в своей правоте и оттого ограниченный человек.

Таким образом, «Красное яйцо», на первый взгляд, демонстрирует более рациональный, последовательный взгляд на жизнь, лишенный душевного смятения или универсальных откровений. Однако при пристальном рассмотрении личность Александра представляет собой загадку в не меньшей степени, чем личность Элуа. Комментарий его бабушки, наиболее разумного члена семьи, бросает тень на его происхождение: очевидно, она намекает на незаконнорожденность Александра. Если он не является биологическим сыном слабоумного господина Леманселя, то он не должен унаследовать его недуг. Вероятнее всего, состояние мальчика вызвано не столько наследственностью, сколько воспитанием мальчика в нездоровой атмосфере, где мать спасается от мигрени обручем, походящим на корону, а отец почитает чудесное красное яйцо, снесенное в день рождения сына. Александр с детства одержим идеей собственной исключительности, и его выбор «Жизнеописания императора Августа» для чтения может быть не роковой случайностью, как пытается его изобразить рассказчик, а следствием сознательного интереса.

Роль наследственности, видимо, представляется Франсу неоднозначной. Поскольку рождение человека всегда окружено некой тайной, человеческий разум не в состоянии до конца постигнуть законы генетики. Сведение многообразия человеческих поступков и типажей к генетически детерминированному набору обнаруживает свою неполноту.

Эта неполнота подчеркивается и концовками анализируемых рассказов. Приведем обе:

> Доктор умолк и закурил папиросу.
>
> — Вы рассказали нам страшную историю, доктор! — сказал я, немного помолчав.

22 Il sortit. J'essayai en vain de le retenir. Il m'échappa. Vous savez le reste [25, p. 646].

— Да, история страшная, но зато подлинная, — ответил он. — Я бы не отказался от рюмки коньяку[23] [23, т. 2, с. 68].

В это мгновение мне, наконец, с непреложной ясностью открылось, какого гениального ребенка сразила смерть год тому назад на ферме в Али[24] [23, т. 2, с. 738].

Оба финала отличаются недосказанностью и оставляют пространство для читательских интерпретаций. Избегая прямых отсылок к мистицизму, автор выбирает в качестве реакции на обе истории молчание, поскольку однозначный вывод сделать невозможно.

Отсутствие однозначности подчеркивается и выбором художественного метода. Франс вводит в рассказы культурные тексты в виде цитат (пусть и непрямых) и отсылок к другим литературным произведениям и художественным системам, а также в виде культурных объектов, тем самым актуализируя художественную природу текста. Таковы упоминания Тэна и Золя, фруктового сада и портрета в «Записках сельского врача», автореференция к «Иокасте», отсылки к Софоклу, книге о Тифании и «Жизнеописанию императора Августа», описание аббатства Сан-Мишель в «Красном яйце». Эти образы обладают собственными культурными ассоциациями и открыты к интерпретации. Их соседство на страницах рассказов с медицинской литературой и газетными отчетами актуализирует разницу между художественным и нехудожественным текстом. Франс явно делает выбор в пользу первого именно благодаря его открытости, многозначности и способности вызывать на диалог.

Прочтение двух рассказов Франса как своего рода диптиха позволяет опровергнуть традиционное мнение об исключительно рациональном основании событий, представленных в «Красном яйце» и «Записках сельского врача» [15, p. 114]. Полемика с натурализмом выражена в этих рассказах не только в трактовке вопросов наследственности и среды, но и в художественном построении рассказов, не исчерпывающемся эстетикой натура-

23 Après un moment de silence:

— Docteur, lui dis-je, vous nous avez conté là une affreuse histoire.

— Elle est affreuse, répondit le docteur, mais elle est vraie. Je prendrais bien un petit verre de cognac [25, p. 646].

24 En ce moment-là, j'eus la notion exacte et la mesure certaine de ce que la mort avait détruit un an auparavant dans la ferme des Alies [25, p. 955].

лизма, превыше всего ставящей аналитизм [7, с. 250–252]. Франс, напротив, использует элементы натуралистского дискурса наряду с другими типами письма, создавая загадочный, принципиально двусмысленный текст, который балансирует между аналитическими устремлениями рассказчиков и сопротивлением реальности их попыткам рассудочно осмыслить ее. В статье 1892 г., позже вошедшей в «Сад Эпикура» ("Le Jardin d'Epicure", 1895), Франс, признавая заслуги позитивизма как научного метода, упрекает его в излишнем ригоризме: «Но особенную горечь и безысходность придает позитивизму та строгость, с которой он запрещает науки бесполезные, то есть как раз самые привлекательные. Жить без них — да значит ли это жить на самом деле?»[25] [23, т. 3, с. 293]. Сложное отношение Франса к позитивизму, ставшее предметом ряда исследований [10; 14], в художественном тексте принимает завуалированную форму и кодируется сюжетом, композицией и нарративной системой. Опровержение позитивистского взгляда на действительность и культуру не может принимать форму логического аргумента, иначе все художественное построение потеряет смысл. Франс выбирает технику письма, при которой логика уступает место иррационализму. Этот эксперимент, как видно из рецепции рассказов, не вполне удался, но будет продолжен писателями в XX в.

25 Mais ce qui rend le positivisme amer et désolant, c'est la sévérité avec laquelle il interdit les sciences inutiles, qui sont les plus aimables. Vivre sans elles serait-ce encore vivre? [24]

Список литературы

Исследования

1 *Анисимов И.И.* Анатоль Франс // *Анисимов И.И.* Мастера культуры. М.: Худож. лит., 1971. С. 13–97.

2 *Брахман С.Р.* Комментарии // *Франс А.* Собр. соч.: в 8 т. М.: ГИХЛ, 1958. Т. 2. С. 821–845.

3 *Донская С.Л.* Анатоль Франс и Тургенев // Научный бюллетень Ленинградского государственного университета. 1945. № 4. С. 36–39.

4 *Звигильский А.* Анатоль Франс и Тургенев // *Звигильский А.* Тургеневские чтения. М.: Русский путь, 2008. Вып. 3: Иван Тургенев и Франция / пер. с франц. С. 214–233.

5 *Лиходзиевский С.И.* Анатоль Франс. Краткий очерк творческого пути. Ташкент: Изд-во САГУ, 1954. 99 с.

6 *Лиходзиевский С.И.* Анатоль Франс: Очерк творчества. Ташкент: Гослитиздат УзССР, 1962. 419 с.

7 *Маркевич Г.* Реализм, натурализм, типическое // *Маркевич Г.* Основные проблемы науки о литературе / пер. с польского. М.: Прогресс, 1980. С. 236–285.

8 *Николаичева С.С.* «Дневниковый фрагмент» в структуре художественного произведения (на материале русской литературы 30–70 гг. XIX века): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2014. 23 с.

9 *Axelrad J.* Anatole France: a Life without Illusions, 1844–1924. 4th ed. New York: Harper & br., 1944. 481 p.

10 *Bancquart M.-C.* Anatole France polémiste. Paris: Nizet, 1962. 689 p.

11 *Bancquart M.-C.* L'Étui de nacre. Notes et variantes // *France A.* Œuvres / ed. établie, présentée et annotée par Marie-Claire Bancquart. Paris: Bibliothèque de la Pléiade, 1984. T. 1. P. 1387–1457.

12 *Bresky D.* The Art of Anatole France. The Hague; Paris: Mouton, 1969. 268 p.

13 Dictionnaire des termes littéraires / H. van Gorp et al. Paris: Champion classiques, 2005. 544 p.

14 *Foucaud B.* L'oeuvre d'Anatole France: à la recherche d'une philosophie du monde par l'écriture du Désir: Thèse de doctorat de lettres. Université d'Angers, 2001. 609 p.

15 *Guedatarian A.E.O.* Anatole France as a Critic of Romanticism: a Study of Anatole France's Views on French Romanticism Based on his Collected Works, his Literary Articles and his Conversations: Master Thesis. London University, 1949. 398 p.

16 *Jefferson A.* L'enfant prodige, ou le génie sur la sellette // L'Esprit Créateur. 2015. Vol. 55 (2). P. 102–16.

17 *Kahn M.* Anatole France et Émile Zola: Avec une lettre autographe d'Anatole France reproduite et phototypie par Daniel Jacomet. Paris: Editions Lemarget, 1927. 71 p.

18 *Laing R.* The Precocious Child in the Late Nineteenth Century: Doctoral thesis. Durham University, 2016. 235 p.

19 *Nelson C.* Precocious Children and Childish Adults: Age Inversion in Victorian Literature. John Hopkins University Press, 2012. 211 p.
20 *Pasulka D.W.* A Communion of Little Saints: Nineteenth-Century American Child Hagiographies // Journal of Feminist Studies in Religion. 2007. Vol. 23 (2). P. 51–67.
21 *Sachs M.* Anatole France and the Art of the Short Story // Kentucky Romance Quarterly. 1973. Vol. 20 (3). P. 359–366.
22 *Shanks L.P.* Anatole France. Chicago; London: Open court, 1919. 241 p.

Источники

23 *Франс А.* Собр. соч.: в 8 т. М.: ГИХЛ, 1958.
24 *France A.* Le positivism au Collège de France // Temps. 1892. 7 février.
25 *France A.* Œuvres. Edition établie, présentée et annotée par Marie-Claire Bancquart. Paris: Bibliothèque de la Pléiade, 1984. T. 1. 1471 p.
26 *Le Héricher H.* Itinéraire descriptif et historique du voyageur dans le Mont Saint-Michel. Avranches: Librairie d'Auguste Anfray, 1857. 174 p.

References

1 Anisimov, I.I. “Anatol’ Frans” [“Anatole France”]. Anisimov, I.I. *Mastera kul’tury* [*Masters of Culture*]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1971, pp. 13–97. (In Russ.)

2 Brakhman, S.R. “Kommentarii” [“Commentary”]. Frans, A. *Sobranie sochinenii: v 8 t.* [*Collected Works: in 8 vols.*], vol. 2. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel’stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1958, pp. 821–845. (In Russ.)

3 Donskaia, S.L. “Anatol’ Frans i Turgenev” [“Anatole France and Turgenev”]. *Nauchnyi bulleten’ Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 4, 1945, pp. 36–39. (In Russ.)

4 Zvigil’skii, A. “Anatol’ Frans i Turgenev” [“Anatole France and Turgenev”]. Zvigil’skii, A. *Turgenevskie chteniia* [*Turgenev’s Readings*], vol. 3. Moscow, Russkii put’ Publ., 2008, pp. 214–233. (In Russ.)

5 Likhodzievskii, S.I. *Anatol’ Frans. Kratkii ocherk tvorcheskogo puti* [*Anatole France. A Short Sketch of the Creative Path*]. Tashkent, Central Asian State University Publ., 1954. 99 p. (In Russ.)

6 Likhodzievskii, S.I. *Anatol’ Frans: Ocherk tvorchestva* [*Anatole France: Essay on the Oeuvre*]. Tashkent, Goslitizdat UzSSR Publ., 1962. 419 p. (In Russ.)

7 Markevich, G. “Realizm, naturalizm, tipicheskoe” [“Realism, Naturalism, the Typical”]. Markevich, G. *Osnovnye problemy nauki o literature* [*Main Issues of Literary Studies*]. Moscow, Progress Publ., 1980, pp. 236–285. (In Russ.)

8 Nikolaicheva, S.S. *“Dnevnikovyi fragment” v strukture khudozhestvennogo proizvedeniia (na materiale russkoi literatury 30–70 gg. XIX veka)* [*“Journal Fragment” Within a Literary Work (Based on Russian Literature of the 30s–70s of the 19th Century): PhD Thesis, Summary*]. Nizhny Novgorod, 2014. 23 p. (In Russ.)

9 Axelrad, Jacob. *Anatole France: A Life without Illusions, 1844–1924*. 4th ed. New York, Harper & br., 1944. 481 p. (In English)

10 Bancquart, Marie-Claire. *Anatole France polémiste*. Paris, Nizet, 1962. 689 p. (In French)

11 Bancquart, Marie-Claire. “L’Étui de nacre. Notes et variants.” France, A. *Œuvres*, vol. 1, ed. établie, présentée et annotée par M.-C. Bancquart. Paris, Bibliothèque de la Pléiade, 1984, pp. 1387–1457. (In French)

12 Bresky, Dushan. *The Art of Anatole France*. The Hague, Paris, Mouton, 1969. 268 p. (In English)

13 *Dictionnaire des termes littéraires*. Paris, Champion classiques, 2005. 544 p. (In French)

14 Foucaud, Boris. *L’Oeuvre d’Anatole France: à la recherche d’une philosophie du monde par l’écriture du Désir: Thèse de doctorat de lettres*. Université d’Angers, 2001. 609 p. (In French)

15 Guedatarian, Anna E.O. *Anatole France as a Critic of Romanticism: a Study of Anatole France’s Views on French Romanticism Based on his Collected Works, his Literary Articles*

and his Conversations: Master Thesis. London University, 1949. 398 p. (In English)
16 Jefferson, Ann. “L’enfant prodige, ou le génie sur la sellette.” *L’Esprit Créateur*, vol. 55 (2), 2015, pp. 102–16. (In French)
17 Kahn, Maurice. *Anatole France et Émile Zola: Avec une lettre autographe d’Anatole France reproduite et phototypie par Daniel Jacomet*. Paris, Editions Lemarget, 1927. 71 p. (In French)
18 Laing, Roisin. *The Precocious Child in the Late Nineteenth Century: Doctoral Thesis*. Durham University, 2016. 235 p. (In English)
19 Nelson, Claudia. *Precocious Children and Childish Adults: Age Inversion in Victorian Literature*. Baltimore, John Hopkins University Press, 2012. 211 p. (In English)
20 Pasulka, Diana W. “A Communion of Little Saints: Nineteenth-Century American Child Hagiographies.” *Journal of Feminist Studies in Religion*, vol. 23 (2), 2007, pp. 51–67. (In English)
21 Sachs, Murray. “Anatole France and the Art of the Short Story.” *Kentucky Romance Quarterly*, vol. 20 (3), 1973, pp. 359–366. (In English)
22 Shanks, Lewis P. *Anatole France*. Chicago, London, Open court, 1919. 241 p. (In English)